

Научная статья
УДК 343.148
DOI: 10.37973/KUI.2023.94.18.022

**НАЗНАЧЕНИЕ И ПРОВЕДЕНИЕ
ЭКСПЕРТИЗЫ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ ПЕРВЫХ УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ КОДЕКСОВ
РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ФЕДЕРАТИВНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
И БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Юрий Павлович Шкаплеров,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь, Могилев, Беларусь,
shkaplerov@yandex.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматривается трансформация назначения и проведения экспертизы в период действия первых УПК РСФСР и БССР на белорусских территориях в первой половине XX в. Именно в этот исторический период произошел переход нормативного регулирования экспертизы от дореволюционного, где она рассматривалась в качестве одного из видов осмотра, к современному, когда законодатель отнес ее к числу следственных действий.

Материалы и методы: методологическая основа статьи представлена совокупностью общенаучных и частнонаучных методов (диалектический, дедукция, индукция, анализ, синтез, юридико-технический, сравнительно-правовой, эмпирический и др.). Эмпирическую основу исследования составили материалы уголовных дел первой половины XX в., хранящиеся в архиве УВД Могилевского облисполкома.

Обзор литературы: статья подготовлена на основе анализа норм УПК РСФСР 1922 и 1923 г., УПК БССР редакции 1927 г. и иных нормативных актов первой половины XX в. Автором затронуты также положения Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. и Свода законов Российской империи 1832 г. В ходе работы по очерченной проблематике использовались труды П.И. Люблинского и Н.Н. Полянского, В.Н. Махова, М.С. Строговича, Е.П. Тарасова-Родионова и др.

Результаты исследования: в статье на основе анализа указанных нормативных правовых актов, мнений ученых, материалов архивных уголовных дел рассматривается трансформация процессуальной регламентации и практика назначения и проведения экспертизы согласно УПК РСФСР 1922 г., и 1923 г., УПК БССР 1923 г. и его последующих редакций. Акцентируется внимание на проблемах нормативного регулирования и правоприменения этого следственного действия: смешение законодателем понятий «осмотр», «освидетельствование» и «экспертиза»; сохранение архаичного нормативного регулирования назначения и проведения экспертизы; формирование на практике порядка проведения рассматриваемого следственного действия, отличного от законодательного и т.д.

Обсуждение и заключение: сформулирован вывод, согласно которому нормативная регламентация назначения и проведения экспертизы в БССР первой половины XX ст. в немалой мере была подвержена влиянию дореволюционного законодательства. Советские правоприменители во многом руководствовались правилами назначения и проведения рассматриваемого следственного действия, сформировавшимися в XIX в., а не положениями действовавшего уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: уголовный процесс; досудебное производство; УПК РСФСР; УПК БССР; экспертиза

© Шкаплеров Ю.П., 2023

Для цитирования: Шкаплеров Ю.П. Назначение и проведение экспертизы в досудебном производстве в период действия первых уголовно-процессуальных кодексов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Белорусской Советской Социалистической Республики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 168 – 175. DOI: 10.37973/KUI.2023.94.18.022

Scientific article
UDC 343.148
DOI: 10.37973/KUI.2023.94.18.022

**APPOINTMENT AND CONDUCT EXPERT ASSESSMENTS IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS
DURING THE FIRST CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND BELARUSIAN SOVIET SOCIALIST REPUBLIC**

Yury Pavlovich Shkaplerov,
Mogilev institute of the MIA of the Republic of Belarus, Mogilev, Belarus,
shkaplerov@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article discusses the change of the appointment and performance of expertise during the period of the first Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and Belarusian Soviet Socialist Republic in the Belarusian territories in the first half of the XX century. It was the historical period when the transition of normative regulation of expertise from the pre-revolutionary, where it was considered as one of the types of examination, to the modern one, when the legislator referred it to the number of investigative actions took place.

Materials and Methods: the methodology of the article is a combination of universal and specific scientific method (dialectical, deduction, induction, analysis, synthesis, legal-technical, comparative-legal, empirical and others). The empirics of the study were criminal records of the first half of the XX century archived Department of Internal Affairs of the Mogilev Regional Executive Committee.

Literature review: the article is based on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (1922 and 1923) and Belarusian Soviet Socialist Republic (1927) and other regulatory acts of the first half of the XX century. The author also covers the Statute of Criminal Procedure of the Russian Empire of 1864 and the Code of Laws of the Russian Empire of 1832. During the study the author used the works of P.I. Lublinsky and N.N. Polyansky, V.N. Makhov, M.S. Strogovich, E.P. Tarasov-Rodionov and others.

Results: basing on the analysis of regulatory acts, scientific views, archive criminal records the author considers the transformation of procedural regulations and practice of appointing and conducting expert examinations according to on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (1922 and 1923) and Belarusian Soviet Socialist Republic (1923) and its subsequent editions. The author focuses on normative regulation and law enforcement of this investigative action: confusion by the legislator of the concepts of "inspection", "examination" and "expertise"; preservation of archaic normative regulation of the appointment and conduct of expertise; formation in practice of the procedure for conducting the investigative action in question, different from the legislative one, etc.

Discussion and Conclusions: the conclusion is drawn that the normative regulation of the appointment and conduct expert examination in the BSSR of the first half of the XX century was largely influenced by pre-revolutionary legislation. Soviet law enforcers were also largely guided by the rules for appointment and conduct an investigative action, which were formed in the 19th century, and not by the provisions of the criminal procedure law in force.

Keywords: criminal procedure; pre-trial proceedings; Criminal Procedure Code of the RSFSR; Criminal Procedure Code of the BSSR; expert examination

© Shkaplerov Yu.P., 2023

For citation: Shkaplerov Yu.P. Appointment and Conduct Expert Assessments in Pre-Trial Proceedings During the First Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Belarusian Soviet Socialist Republic. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):168 – 175. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.94.18.022

Введение

Экспертиза в качестве средства доказывания в уголовном процессе известна давно. Вместе с тем до начала XX в. законодателем она рассматривалась в качестве специфического вида осмотра

(освидетельствования) [1, с. 101, 104, 105], в связи с этим нормативное регулирование и практика проведения данных процессуальных действий коренным образом не отличались. Первая же половина XX в. стала периодом, на котором прои-

зошел переход нормативного регулирования экспертизы от дореволюционного к современному, когда законодатель отнес ее к числу следственных действий. Научный интерес представляет исследование трансформации назначения и проведения экспертизы от одного из видов осмотра (освидетельствования) к самостоятельному следственно-му действию. При этом для объективности такого изыскания в обязательном порядке необходим анализ архивных уголовных дел, позволяющий зафиксировать реальное применение тех или иных норм уголовно-процессуального закона на практике и выявить объективные закономерности развития уголовно-процессуальных институтов в целом и экспертизы в частности.

Обзор литературы

Статья подготовлена на основе анализа норм УПК РСФСР 1922 и 1923 г., УПК БССР редакции 1927 г. и иных нормативных актов советского правительства первой половины XX в. Также в ходе сравнительно-правового исследования изучались Устав уголовного судопроизводства Российской империи и Свод законов Российской империи 1832 г. В процессе работы над обозначенной проблематикой использовались труды П.И. Люблинского и Н.Н. Полянского [2], В.Н. Махова [3], Е.П. Ореховой [4], Н.И. Стояновского [5], М.С. Строговича [6], К.Д. Тагуновой [7], П.И. Тарасова-Родионова [8] и др.

Материалы и методы

Методологическую основу статьи составили общенаучные (диалектический, анализа, синтеза и др.) и частнонаучные методы (юридико-технический, сравнительно-правовой, эмпирический и др.). Материалами исследования послужили положения нормативных правовых актов XIX – первой половины XX вв., регламентирующих процессуальный порядок назначения и проведения экспертизы, материалы архивных уголовных дел, а также соответствующая юридическая научная и научно-практическая литература.

Результаты исследования

Первые годы после создания БССР для уголовно-процессуальной сферы данного государства охарактеризовались тем, что на его территорию было распространено действие УПК

РСФСР 1922 г.¹, а затем и УПК РСФСР 1923 г.² При этом изначально белорусский законодатель никак не корректировал УПК РСФСР 1922 г., а в УПК РСФСР 1923 г. вносились лишь небольшие изменения относительное производства в суде. Однако в середине 1920-х годов и в последующем с внесением в УПК БССР изменений и дополнений он приобрел определенные отличия от российского уголовно-процессуального закона. Поэтому в данной статье будет подвергнута анализу как УПК РСФСР 1923 г.³, так и УПК БССР в редакции 1927 г.⁴

Период действия первых советских УПК охарактеризовался тем, что в УПК РСФСР 1922 г., а затем в УПК РСФСР 1923 г. и УПК БССР 1927 г. впервые в уголовно-процессуальном законодательстве страны появились термины «экспертиза» и «эксперт» [3, с. 25], хотя их определений указанные нормативные правовые акты не содержали. Кроме того, нормы, устанавливающие порядок производства экспертизы, были «разбросаны» по различным главам и разделам уголовно-процессуального закона, так же как это имело место в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. В частности, таковые содержались в главе IV «О доказательствах», главе XIII «Допрос свидетелей и экспертов», главе XV «Осмотры и освидетельствования» и главе XVI «Определение психического состояния обвиняемого». Наиболее показательной в этом плане является глава XV УПК БССР, в которой, несмотря на ее наименование, ст. 189-192 посвящались регламентации осмотра и освидетельствования, а ст. 193-195 – экспертизы. Данное обстоятельство, на наш взгляд, можно объяснить тем, что советский законодатель рассматривал экспертизу в качестве некой специфичной сферы деятельности, не требующей детальной компактной регламентации в УПК, как это было сделано по отношению к другим следственным действиям.

Статьи 63-65 УПК БССР 1927 г. определяли основания привлечения эксперта к участию в уголовном процессе, в том числе предусматривали случаи обязательного вызова эксперта, порядок его вызова, права и ответственность данного участника уголовного процесса. В ст. 169-174

¹ О распространении действия уголовно-процессуального кодекса РСФСР на территорию ССР Белоруссии : постановление Центрального Исполнительного Комитета ССР Белоруссии, 24 июня 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства ССР Белоруссии. 1922. № 5. Ст. 81.

² О распространении действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР второго издания на территорию Белоруссии : постановление Центрального Исполнительного Комитета ССР Белоруссии, 30 марта 1923 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства ССР Белоруссии. 1923. № 4. Ст. 41.

³ Уголовно-процессуальный Кодекс Р.С.Ф.С.Р 1923 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/ImgPravo/pdf/UPK_RSFSR_1923.pdf (дата обращения: 02.08.2023).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР : официальный текст с изменениями на 15 апреля 1957 г. и с приложением систематизированных материалов. Минск : Редакция научно-технической литературы, 1957. С. 21.

УПК БССР устанавливался порядок назначения и производства экспертизы, дачи экспертом заключения, уточнялись его права и обязанности. В свою очередь, ст. 196-201 УПК БССР регламентировали порядок «определения психического состояния обвиняемого», то есть устанавливали процедуру проведения судебно-психиатрической экспертизы в современном ее понимании.

Инициатива принятия решения о назначении экспертизы могла исходить как от должностного лица органа уголовного преследования (ст. 63 УПК БССР 1927 г.), так и от других участников уголовного процесса (ст. 112, 169 УПК БССР 1927 г.).

Как отмечалось, в законе отдельно назывались и случаи обязательного назначения экспертизы (обязательного вызова экспертов – согласно терминологии того времени), которые обуславливались необходимостью: 1) установления причин смерти и характера телесных повреждений; 2) определения психического состояния обвиняемого или свидетеля в тех случаях, когда у следователя по этому поводу возникали сомнения (примечание 1 к ст. 63 УПК БССР 1927 г.).

Явка эксперта в орган уголовного преследования была обязательной (ст. 64 УПК БССР 1927 г.). В случае неявки без уважительных причин, при отказе без законных оснований от исполнения своих обязанностей эксперты подвергались приводу либо штрафу (ст. 60, 64 УПК БССР 1927 г.), а также уголовной ответственности согласно ст. 134 УК БССР 1928 г.¹

Советский законодатель сохранил дореволюционный порядок назначения экспертизы. Так, согласно ст. 169-171 УПК БССР 1927 г., следователь, дознаватель, приняв решение о назначении экспертизы, вызывали эксперта *на допрос*. При необходимости могло вызываться несколько экспертов. В целях защиты прав обвиняемого законом предусматривалась возможность привлечения к участию в деле эксперта, указанного данным участником уголовного процесса, при условии, что такой вызов не влек за собой затягивание срока предварительного расследования.

Допрос эксперта начинался с удостоверения в его личности, а также предупреждения его «о необходимости давать заключение, строго согласное с обстоятельствами дела и данными тех специальных знаний, для которых он вызван». Помимо этого, названный участник уголовного процесса предупреждался об ответственности за отказ от дачи заключения, либо за дачу ложного заклю-

чения (ст. 170 УПК БССР 1927 г.). В литературе рассматриваемого периода отмечалось, что перед допросом эксперта следователь должен был удостовериться не столько в его личности, сколько в наличии у него необходимых для производства экспертизы специальных познаний. Формальным подтверждением таких познаний считались выданные уполномоченным учреждением либо должностным лицом удостоверение или аттестат на занятие определенной профессией. В ряде случаев следователь мог также руководствоваться профессиональной или научной репутацией эксперта, отзывами о нем, длительностью стажа его практической работы и т.п. [2, с. 144].

В соответствии со ст. 171 УПК БССР 1927 г. следователь после проведения вышеуказанных действий излагал эксперту «пункты», то есть вопросы, по которым требовалось его заключение. Обвиняемый, в свою очередь, также был вправе письменно сформулировать вопросы эксперту. По мнению авторов постатейного комментария к УПК РСФСР 1923 г., указанным правом обладал, в том числе, и потерпевший [2, с. 145].

Изложенный законодательный порядок назначения экспертизы в научно-практической литературе первой половины XX в. понимался несколько в ином порядке, схожим с современной процедурой, закрепленной в УПК Республики Беларусь. В частности, следователь, дознаватель свое решение о назначении экспертизы должны были облекать в форму постановления, где указывалось лицо (либо лица), привлекаемое в качестве эксперта, объекты экспертизы и вопросы, подлежащие разрешению. После этого с постановлением подлежал ознакомлению обвиняемый, которому разъяснялись бы предусмотренные законом права и обязанности. Названные действия должностному лицу органа уголовного преследования было необходимо зафиксировать в протоколе объявления обвиняемому о назначении экспертизы. В итоге данный этап назначения экспертизы рекомендовалось заканчивать составлением в письменном виде окончательного перечня вопросов, подлежащих разрешению, и передаче их эксперту [9, с. 145].

Однако анализ архивных уголовных дел свидетельствует, что на практике обозначенные рекомендации на территории БССР не исполнялись: постановления о назначении экспертизы не выносились, а заинтересованные участники досудебного производства с решениями об их назначении не ознакомливались. По крайней мере, следовате-

¹ Уголовный кодекс Белорусской Социалистической Советской Республики : утв. постановлением ЦИК Белорус. ССР, 23.09.1928. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_BSSR_1928_goda.pdf (дата обращения: 08.08.2023).

ли и сотрудники ОВД не фиксировали такие действия в уголовных делах¹.

Более детально, по сравнению с уголовно-процессуальным законом, порядок проведения экспертизы регламентировался ведомственными нормативными актами, такими, например, как Положение о производстве судебно-медицинской экспертизы, утвержденное Народным комиссариатом здравоохранения СССР в 1934 г. [10, с. 14], и Инструкция о производстве судебно-медицинской экспертизы СССР, утвержденная 13 декабря 1952 г. Министерством здравоохранения СССР² (далее – Инструкция 1952 г.). При этом в части процессуальной регламентации рассматриваемого следственного действия данные нормативные акты не имели значительных различий.

В соответствии со ст. 11 Инструкции 1952 г., которая в определенной мере дублировала ст. 193, 194 УПК БССР 1927 г., присутствие «представителя следственных органов» при судебно-медицинском исследовании трупов было обязательным. Однако неприбытие такого представителя в установленный срок на место производства исследования не являлось основанием для отказа в проведении судебно-медицинской экспертизы. В то же время участие должностного лица органа уголовного преследования при проведении других видов судебно-медицинских экспертиз считалось факультативным³. По словам М.С. Строговича, на практике, помимо следователя, к участию в проведении экспертизы довольно часто привлекался и обвиняемый, что обеспечивало полноту и правильность экспертизы, а также соблюдение его прав [6, с. 146].

Согласно п.п. 13-17 Инструкции 1952 г. по результатам проведения рассматриваемого вида экспертизы составлялся «акт судебно-медицинской экспертизы». При этом нормативно предусматривались виды данного акта, например, акт судебно-медицинского освидетельствования (в отношении живого лица), акт судебно-медицинского исследования трупа, акт судебно-медицинского исследования вещественных доказательств и т.п.

Акт судебно-медицинской экспертизы уже традиционно состоял из трех частей: введения, описательной части и заключения. При этом первые две части составляли «протокол экспертизы», который подписывали эксперт и присутствовавшие при этом лица⁴. Структурно и содержательно указанные части акта похожи на современное заключение эксперта.

Протокол и заключение экспертизы назывались также в ст. 173-176 УПК РСФСР 1922 г. и ст. 168, 172 УПК БССР 1927 г. В протоколе подлежало указывать фамилии, инициалы, адреса экспертов, данные, свидетельствующие об их компетентности, факт предупреждения экспертов об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, что подтверждалось их личной удостоверяющей записью. Далее в протоколе было необходимо отметить факт ознакомления эксперта с постановлением о назначении экспертизы, перечислить материалы, предоставленные для исследования, назвать дополнительные вопросы эксперту, подробно описать все действия, проведенные экспертом в процессе исследования. Протокол подписывался следователем и экспертом (экспертами). Если же следователь не присутствовал при производстве экспертизы, то все вышеописанные действия фиксировались в акте, составленном экспертом. Заключение также должно было быть оформлено в письменном виде с указанием: 1) оснований проведения экспертизы; 2) времени работы экспертов и времени составления заключения; 3) данных, составляющих основу заключения; 4) заключения «по каждому поставленному следователем вопросу» [9, с. 429].

Следует отметить, что приведенные нормативные предписания правоприменителями реализовывались не в полной мере, свидетельством чему выступают материалы архивных уголовных дел. Так, документ, составляемый по результатам проведенного судебно-медицинского исследования трупа в БССР, не имел устоявшегося названия и именовался: акт судебно-медицинской экспертизы⁵ (как это требовалось в законе), акт

¹ Уголовное дело по убийству Стенковой А.П. от 3 ноября 1944 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 734; Уголовное дело № 1932 по убийству и ограблению Аксененко Елизаветы Егоровны от 22 февраля 1947 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. Ф. 10. Д. 705; Уголовное дело № 2473 по убийству Михасевой Анны Кузьминичны от 13 июля 1946 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 701; Уголовное дело № 2891 по обнаружению трупа Кнышева Демьяна Герасимовича от 12 августа 1947 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 840; Уголовное дело № 4392 о грабеже и убийстве Евсеевой Пелагеи Васильевны от 22 мая 1947 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. Ф. 10. Д. 728.

² Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР : официальный текст с изменениями на 15 апреля 1957 г. и с приложением систематизированных материалов. Минск : Редакция научно-технической литературы, 1957. С. 103-117.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР : официальный текст с изменениями на 15 апреля 1957 г. и с приложением систематизированных материалов. Минск : Редакция научно-технической литературы, 1957. С. 103.

⁴ Уголовно-Процессуальный Кодекс Белорусской Социалистической Советской Республики. С алфавитным предметным указателем. Минск : Издание Народного Комиссариата Юстиции БССР, 1927. С. 106.

⁵ Уголовное дело по убийству Стенковой А.П. от 3 ноября 1944 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 734. Л. 17.

судебно-медицинского исследования трупа¹, акт вскрытия трупа², акт осмотра и вскрытия трупа³, протокол вскрытия трупа⁴ или просто акт⁵. Соответствующие исследования проводили врачи районных больниц при помощи медсестер, фельдшеров в присутствии должностных лиц органа уголовного преследования – следователя, оперуполномоченного. Структурно же акты (протоколы), как правило, состояли из трех частей: наружный осмотр, вскрытие трупа (внутреннее вскрытие) и заключение. Перечисленные элементы именно под такими названиями структурно выделялись в проанализированных нами процессуальных документах.

Первая часть актов (протоколов) включала в себя описание одежды трупа, состояния его кожных покровов, трупного окоченения, имевшихся телесных повреждений. Во второй части рассматриваемых документов врач описывал состояние внутренних органов. В заключении же формулировалось предположение либо утверждение о причинах наступления смерти, например, в следующем виде: «Полагаем, что смерть гр-на Гусева А.И. наступила вследствие проникающей раны в вещество головного мозга и попадания крови в легкое – на почве чего получилось задушение – аспирация»⁶.

Все сказанное относительно формы и содержания акта судебно-медицинского исследования трупа интересно тем, что данные документы, составляемые на практике в период действия первых УПК РСФСР и БССР, в полной мере соответствовали не только требованиям ст. 342-344 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., определявшим содержание «акта осмотра или свидетельства» мертвого тела, но и положениям Свода законов Российской империи 1832 г. (ст. 1318 тома XIII Свода законов «Устав врачебный» [5, с. 74, 75]), регламентирующим сходные правоотношения. Кроме того, содержание актов

(протоколов), составленных в первой половине XX в. врачами БССР, сопоставимо с образцами соответствующих процессуальных документов, приведенных в приложении к книге первой половины XIX в. за авторством М. Магазинера «Памятная судебно-медицинская книжка» [11, с. 255-259].

Согласно ст. 171 УПК БССР 1927 г. эксперт с разрешения следователя имел право знакомиться с материалами дела, которые ему были необходимы для дачи заключения. В таких случаях объем материалов уголовного дела, подлежащих представлению эксперту, определялся прокурором или судом, которому было подсудно данное дело. Если же эксперт приходил к выводу о том, что представленные ему следователем, дознавателем материалы являлись недостаточными, он составлял акт о невозможности дачи заключения.

Несмотря на отсутствие соответствующего предписания в УПК, приказом прокурора СССР от 13 мая 1939 г. № 90-3 следователь, дознаватель, обязывались при получении заключения эксперта ознакомить с ним обвиняемого, который, в свою очередь, мог делать соответствующие заявления, в том числе – ходатайствовать о проведении повторной экспертизы, что отражалось в протоколе. Форма такого протокола устанавливалась указанным приказом № 90-3. После этого, должностное лицо органа уголовного преследования могло допросить эксперта, если в этом была необходимость [6, с. 145-146] для уточнения, разъяснения или проверки его заключения [8, с. 192]. Вместе с тем в проанализированных нами уголовных делах подобные протоколы ознакомления отсутствуют. Отсутствуют также какие-либо записи об ознакомлении и на актах (протоколах), составленных врачами⁷.

Как отмечалось, УПК РСФСР и БССР предусматривали возможность проведения экспертизы несколькими экспертами, т.е. комисси-

¹ Уголовное дело № 4392 о грабеже и убийстве Евсеевой Пелагеи Васильевны от 22 мая 1947 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. Ф. 10. Д. 728. Л. 9.

² Уголовное дело № 1932 по убийству и ограблению Аксененко Елизаветы Егоровны от 22 февраля 1947 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. Ф. 10. Д. 705. Л. 6.

³ Уголовное дело № 2473 по убийству Михасевой Анны Кузьминичны от 13 июля 1946 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 701. Л. 3.

⁴ Уголовное дело № 43 об убийстве Гусева Александра Ивановича от 30 декабря 1948 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 944. Л. 8-9.

⁵ Уголовное дело № 2891 по обнаружению трупа Кнышева Демьяна Герасимовича от 12 августа 1947 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 840. Л. 5.

⁶ Уголовное дело № 43 об убийстве Гусева Александра Ивановича от 30 декабря 1948 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 944. Л. 9.

⁷ Уголовное дело по убийству Стенковой А.П. от 3 ноября 1944 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 734; Уголовное дело № 1932 по убийству и ограблению Аксененко Елизаветы Егоровны от 22 февраля 1947 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. Ф. 10. Д. 705; Уголовное дело № 2473 по убийству Михасевой Анны Кузьминичны от 13 июля 1946 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 701; Уголовное дело № 2891 по обнаружению трупа Кнышева Демьяна Герасимовича от 12 августа 1947 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 840; Уголовное дело № 4392 о грабеже и убийстве Евсеевой Пелагеи Васильевны от 22 мая 1947 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. Ф. 10. Д. 728.

онно. В таких случаях если эксперты в ходе исследования приходили к единому выводу, то результаты экспертизы оформлялись одним из них «по их выбору». Если же разногласия между названными лицами не позволяли сформулировать общее мнение, то каждый из них излагал свои выводы самостоятельно (ст. 172, 173 УПК БССР 1927 г.).

Помимо указанного, советский законодатель называл и другие виды экспертиз, в том числе повторную (ст. 174 УПК БССР 1927 г.), медицинскую и психиатрическую (освидетельствование свидетеля и обвиняемого для суждения об их психическом состоянии – согласно нормативной терминологии) (ст. 63, 196-198 УПК БССР 1927 г.). При этом медицинская экспертиза проводилась в соответствии со ст. 193 УПК БССР в большей части «для осмотра и вскрытия трупов, для освидетельствования потерпевшего и обвиняемого», что говорит об определенном смещении законодателем того времени понятий «осмотр», «освидетельствование» и «экспертиза».

Обсуждение и заключение

Таким образом, заканчивая рассмотрение нормативной регламентации экспертизы согласно УПК РСФСР 1922 г. и последующих УПК РСФСР 1923 и БССР 1927 гг., необходимо указать, что в данных уголовно-процессуальных законах во многом сохранился дореволюционный подход к

сущности и пониманию названного следственного действия, характеризовавшийся определенным смешением (с точки зрения сегодняшнего дня) осмотра, освидетельствования и экспертизы. В связи с этим заслуживает внимания мнение В.Н. Махова, который, в частности, анализируя содержание ст. 64, 192 и 193 УПК РСФСР 1923 г., отмечал, что положения перечисленных норм явились результатом влияния старого уголовно-процессуального законодательства, предусматривавшего осмотра и освидетельствования, производимые сведущими людьми, как начальный этап экспертизы [3, с. 26].

Проведенный в ходе настоящего исследования анализ архивных уголовных дел позволяет утверждать, что, помимо законодателя, безусловное влияние Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и даже Свода законов Российской империи 1832 г. испытала и практика назначения и проведения экспертиз первой половины XX в., имевшая отличия от действовавших на тот момент положений уголовно-процессуального законодательства. Следует даже отметить, что следователи, дознаватели и специалисты «по инерции» в немалой степени руководствовались отмененными дореволюционными нормативными требованиями и практикой их применения, что нашло свое отражение в составленных ими процессуальных документах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шкаплеров Ю.П. Правовая регламентация проведения осмотра при расследовании уголовных дел в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 3. С. 99–106.
2. Люблинский П.И., Полянский Н.Н. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Москва: Право и жизнь, 1924. 375 с.
3. Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: монография. Москва: Изд-во РУДН, 2000. 296 с.
4. Орехова Е.П. Становление и развитие судебной экспертизы // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2017. № 2. С. 83–90.
5. Стояновский Н.И. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству. Санкт-Петербург: Тип. Карла Краля, 1852. 311 с.
6. Строгович М.С. Уголовный процесс. Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 311 с.
7. Тагунова К. Д. Становление судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь от истоков к современности: историко-правовые аспекты // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2021. № 1. С. 146–151.
8. Тарасов-Родионов П.И. Предварительное следствие / под. ред. Г.Н. Александрова, С.Я. Розенблинта. Москва: Госюриздат, 1955. 247 с.
9. Настольная книга следователя / под. общ. ред. Г.Н. Сафонова. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1949. 879 с.
10. Основы судебной медицины: пособие для студентов мед. ин-тов / сост. М. А. Бронникова, проф. А.Д. Гусев, Н. И. Ижевский и др. Под общ. ред. проф. Н. В. Попова. Ленинград; Москва: Наркомздрав СССР. Медгиз, 1938. 592 с.

11. Магазинер М.Я. Памятная судебно-медицинская книжка. Санкт-Петербург: Типография Э. Праца, 1839. 311 с.

REFERENCES

1. Shkaplerov YU.P. Pravovaya reglamentaciya provedeniya osmotra pri rassledovanii ugovolnyh del v Ustave ugovolnogo sudoproizvodstva Rossijskoj imperii // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 3. S. 99–106.
2. Lyublinskij P.I., Polyanskij N.N. Uголовно-processual'nyj kodeks RSFSR. Moskva: Pravo i zhizn', 1924. 375 s.
3. Mahov V.N. Ispol'zovanie znanij svedushchih lic pri rassledovanii prestuplenij: monografiya. Moskva: Izd-vo RUDN, 2000. 296 s.
4. Orekhova E.P. Stanovlenie i razvitie sudebnoj ekspertizy // Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoj ekspertizy. 2017. № 2. S. 83–90.
5. Stoyanovskij N.I. Prakticheskoe rukovodstvo k russkomu ugovolnomu sudoproizvodstvu. Sankt-Peterburg: Tip. Karla Kralya, 1852. 311 s.
6. Strogovich M.S. Uголовnyj process. Moskva: YUrid. izd-vo NKYU SSSR, 1941. 311 с.
7. Tagunova K. D. Stanovlenie sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti v Respublike Belarus' ot istokov k sovremennosti: istoriko-pravovye aspekty // Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoj ekspertizy. 2021. № 1. S. 146–151.
8. Tarasov-Rodionov P.I. Predvaritel'noe sledstvie / pod. red. G.N. Aleksandrova, S.YA. Rozenblinta. Moskva: Gosyurizdat, 1955. 247 s.
9. Nastol'naya kniga sledovatelya / pod. obshch. red. G.N. Safonova. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1949. 879 s.
10. Osnovy sudebnoj mediciny: posobie dlya studentov med. in-tov / sost. M. A. Bronnikova, prof. A.D. Gusev, N. I. Izhevskij i dr. Pod obshch. red. prof. N. V. Popova. Leningrad; Moskva: Narkomzdrav SSSR. Medgiz, 1938. 592 s.
11. Магазинер М.Я. Пам'ятная судебно-медицинская книжка. Санкт-Петербург: Типографія Е. Праца, 1839. 311 с.

Информация об авторе:

Шкаплеров Юрий Павлович, кандидат юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Могилевского института МВД Республики Беларусь, shkaplerov@yandex.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Shkaplerov Yury Pavlovich, Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, First Deputy Head of Mogilev Institute of the MIA of the Republic of Belarus, shkaplerov@yandex.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 11.08.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.